

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

но отнесение их к послелогам ввиду якобы утраты ими своего прежнего смысла правильным признано быть не может, так как в действительности слова эти своего прежнего смысла не потеряли, и *icidə* не значит просто «внутри», а *aldəda* — просто «впереди», а значат: «внутри него», «перед ним», что явствует из таких, приведенных в словаре, аналогичных выражений, как *arqamdan* — «вслед за мною *arqandan* — вслед за тобою (стр. 265) или *janymda* — при мне, *janymda* — при тебе (стр. 276). От настоящих послелогов *vilən*, *usun* — таких образований произвести нельзя.

9. В словаре (стр. 266) очень хорошо отмечены две формы: *vaqojan sajyn* и *vaqojan sağ* — «с течением времени», из коих каждая пользуется большой пространственностью в разных частях Узбекистана, и поэтому нехорошо, что в § 88 (стр. 195) в грамматической части приведен один только послелог *sağ*, второй — *sajyn* в том же значении не упомянут.

10. Последнее мое замечание относится не столько к авторам рабочей книги, сколько вообще к участникам создания современного литературного узбекского языка. Общеизвестно, что узбекская интеллигенция джадидского периода ввела в практику узбекского языка ряд слов и выражений из языка анатолийско-турецкого (бывшего османского), причем некоторые из этих слов являются совершенно излишними, так как имеются узбекские слова с тем же значением, и кроме того эти турецкие слова часто являются непонятными широким узбекским массам. Мне представляется, напр., что помещенное на первой же строке отдела четвертого (стр. 237, § 109) турецкое слово *vujuq* принадлежит к числу лишних слов, и для узбекских масс необычных, между тем

как в значении «великий» у узбеков существует и в словаре к рабочей книге дано (стр. 296) слово *ulug*, которым следовало бы довольствоваться и авторам § 109. В учебную книгу и в приложенный к ней словарь вошел ряд подобных турецких слов и выражений.

При втором издании рабочей книги нужно обратить внимание на язык текстов и с этой стороны, чтобы не отягощать памяти учащихся лишними словами и выражениями, не ставшими общим достоянием современного литературного узбекского языка, предназначенного для широких трудящихся масс УзССР.

А. Самойлович.

Терминологический словарь. Терминологическая комиссия НМС ЦКП. Кзыл-Орда, 1931, II — 119 стр.

Настоящий словарь, изданный в количестве 5000 экз., был к концу 1932 г., когда я посетил столицу Казакстана Алма-ата, библиографической редкостью. В интересах истории развития терминологии на различных языках Союза и в частности на казакском языке, я даю об этом словаре краткую заметку.

Терминологическая комиссия Научно-методического совета Казакского Наркомпроса отождествила понятие «термин» с понятием «иностранный язык», и составленный ею словарь начинается словами «абажур», «абаз», за которыми несколько ниже следует «абрикос». Как отмечено в предисловии, в словарь включено более 8000 иностранных слов.

Словарь отразил на своих материалах господствовавшую тогда тенденцию языкового строительства в Казакстане избегать освоения казакским языком иностранных слов, находить или изобретать для иностранных слов соответствующие

казакские слова. Комиссия в предисловии признает, что предлагаемые ею в качестве казакских «терминов» переводы иностранных слов имеют немало недостатков, в том числе, с одной стороны, обозначение одного иностранного слова несколькими параллельно употребляемыми словами, а, с другой, — передача одним казакским (или «мнимо-казакским», прибавим от себя) словом нескольких иностранных разнозначных слов.

Как указывал в отношении русского языка В. И. Ленин, необходимо бороться с проникновением в родной язык излишних, ненужных, неуместных иностранных слов, создающих вредный разрыв между литературным языком и языком трудящихся масс. В этих пределах позицию Терминологической комиссии следует признать правильной. Но комиссия явно и резко выходила за указанные пределы и проявляла пуризм в таких крайних размерах, которые препятствуют естественному развитию казакского языка и искусственно задерживают его на уровне, безусловно не соответствующем современным социально-экономическим и культурным условиям жизни Казакстана.

Приведем ряд примеров крайностей, допущенных комиссией в ее терминологической работе по линии охраны чистоты казакского языка.

1. Среди ряда слов и выражений для обозначения «орган» и производных от него слов «орган пищеварения» удостоился специального обозначения, едва ли уступающего по своему качеству «мокроступам» и «шаропихиям» блаженной памяти российского «патриота» Шишкова: *az qazaq* «пищевой котел» (стр. 78).

2. Соответственно русскому выражению «пуп земли» и в казакском языке в значении «центр» употребляется слово

«*kindik*» (пупок). Терминологическая комиссия предлагает обозначать «центр» словом «*ortalıq*» (середина), сохраняя это значение за словом «пупок» только в скобках, т. е. на втором месте (стр. 112), но зато комиссия предлагает то же слово «пупок» или (в скобках) более сложное образование «сопутник, родственник» (*kindiktes*) в значении «концентр» (стр. 50) и «концентрический».

3. В условиях преобладания скотоводческого хозяйства и в частности овцеводства нельзя не признать естественным, что у кочевников казаков слова «*serke*» (козленок) и «*kosem*» (передовой баран) обозначали одновременно и «предводитель, глава общества» (словарь Радлова, II, 1295).

Комиссия признала уместным предложить на первом месте «козленка» и на втором (в скобках) «передового барана» в значении «лидер», а в скобках «вождь» (стр. 56), хотя в казакском языке имеется несравненно более подходящее слово «*basş*» — «вожак» от слова «*vas*» — «голова» (Радлов, IV, 1539).

Едва ли могут послужить истинному обогащению казакского языка применительно к требованиям современности такие предложения комиссии, как «песнь о рабстве» (*qul ılyq şyg*) вместо «мистерия» (стр. 63), «сухая мудрость» (*qıroqaq danalıq*) вместо «метафизика» (стр. 62), «сухое воображение» *qıroqaq qıjal*) вместо «фантазия» (стр. 109, правда, в скобках), или «воображение соединенное с надеждой» (*yımitti qıjal*) вместо «утопия» (стр. 108), или «короткое исследование» (*qısqaq syı*) вместо «рецензия» (стр. 96).

К числу более или менее удачных переводов иностранных слов можно отнести: *kör qudaıylyq* — политеизм (стр. 68), *ıjgıcildik* — оптимизм (стр. 78), *azatcıl* — либерал (стр. 56).

В некоторых случаях неудачный перевод можно объяснить недостаточным знанием русского языка или недостаточным пониманием переводимого слова и выражения. Так, «прикладная наука» переведена чрез «astar qyım» (стр. 90), но «astar» значит «подкладка» (одежды), а «крепостное право» переведено чрез «qamaldyq erik» (стр. 52), но «qamal» значит «военная крепость»; слово «мануфактура» переведено чрез «kezdeме», что значит «то, что измеряется аршином», т. е. истолковано только одно из значений переводимого слова.

Мне уже приходилось в других местах отмечать, что в ряде тюркских языков в настоящее время наблюдается стихийное возникновение грамматической категории прилагательных в значительной мере под влиянием других языков, с которых производятся многочисленные переводы на тюркские языки. Нередко при этом прилагательные образуются неправильно. Так, Термиком Казакского Наркомпроса предложил в значении «крайний член» (стр. 52) — «sekti мусе», т. е. «член, имеющий границу, предел», а не «член, стоящий на краю», как следовало бы перевести.

Одним из особенно ярких примеров на неудачное использование одного и того же казакского слова для обозначения совершенно различных терминов является слово «surtısyldyq», которое должно одновременно обозначать и «народничество» (стр. 68) и «публицистику» (стр. 93). Как же сказать «народническая публицистика»?

Необходимо оговориться, что Термиком предложил ввести в казакский язык, несмотря на свой пуризм, значительное количество иностранных слов, как аберрация, абонемент, абонент, абсолютизм, авашпост, авария и т. д., даже мускул (стр. 66), причем однако и здесь не

обошлось без курьезов: русское слово «повесть» переведено чрез «gotan» (стр. 85).

Со времени издания Терминологического словаря работа по терминологии в Казакстане продолжается, и условия для надлежащего выполнения этой весьма трудной работы продолжают улучшаться по мере роста национальных научных и в том числе лингвистических сил. Несомненно, что новое издание словаря будет свободно от всех недостатков, о которых говорится и в предисловии к словарю и в нашей рецензии на него.

А. Самойлович.

Турецко-русский словарь. Составил Д. А. Магазаник. При участии А. Б. Абдурахманова и И. В. Левина. Под редакцией проф. В. А. Гордлевского. Москва, ОГИЗ РСФСР, 1931, столбцов 1176, цена 6 р.

Институту Востоковедения имени Н. Н. Нариманова и Государственному издательству «Советская энциклопедия» принадлежит крупная заслуга перед советским востоковедением, выразившаяся в издании турецко-русского словаря в 40 000 слов, который по положительным своим качествам несравнимо превосходит все немногочисленные ранее выходившие на русском языке словари турецкого языка и стоит не ниже соответствующих зарубежных изданий. Выход в свет этого словаря должен быть признан выдающимся событием в истории русской и советской туркологии.

Составляя первый выпуск серии восточных словарей, как части иностранных словарей, издаваемых под общей редакцией О. Ю. Шмидта «Советской энциклопедией», технически прекрасно оформленный русско-турецкий словарь включает в себе слова разговорной речи, научные,